

О ПРОШЛОМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

О НЕБОЛЬШОЙ ПОВЕСТИ

А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», только что опубликованной в 11-й книжке «Нового мира», наверное, будет написано много статей. А пока, только что перевернув ее последнюю страницу, мне хочется высказать лишь несколько мыслей вслух.

Александр Твардовский в своем предпосланном повести кратком слове справедливо подчеркнул, что это не документ в мемуарном смысле, а произведение художественное. Действительно, хотя ни один человек, прочитавший повесть, не усомнится, что за плечами у ее автора тяжкий личный жизненный опыт, но сама эта повесть об одном дне лагерной жизни — не страницы воспоминаний, а лаконичная и отточенная проза больших художественных обобщений. В ней изображен всего один день, но в этот один день вложено все самое главное, что хотел сказать автор о горьких и черных страницах периода культа личности Сталина.

Солженицын не нагромождает в своем повествовании ужасов, взяв один день, он не выбирает дня особенно ужасного. Напротив, он выбирает день, в который, по лагерным нормам, как бы не произошло ничего особенного, — день как день. Но как раз это

и потрясает в его повести больше всего. Как могло случиться, что герой его повести, хороший, добрый, душевный русский человек Иван Денисович Шухов был обречен прожить в лагерях три тысячи шестьсот пятьдесят три дня, считая лишние три дня в високосные годы. Как могло случиться, что столько же, а то и много больше таких же лагерных дней были обречены прожить все другие герои повести, соседи Шухова по бараку, по лагерю, и бесчисленные честные люди, разделявшие их судьбу в других лагерях? Чья злая воля, чей безграничный произвол могли оторвать этих советских людей — земледельцев, строителей, тружеников, воинов — от их семей, от работы, наконец, от войны с фашизмом, поставить их вне закона, вне общества?

Солженицын создает один человеческий портрет за другим. Среди героев повести есть люди замечательных человеческих качеств, есть люди просто хорошие, есть люди со слабостями, может быть, с заблуждениями, есть люди более сильные и более слабые. Но когда все они силою художественной кисти Солженицына превращаются в многолюдный групповой портрет, написанный на свинцово-сером фоне од-

Константин СИМОНОВ

□ □

ного дня будничной лагерной жизни, ты, читатель, начинаешь чувствовать: да ведь эти люди, все вместе взятые, это же не что иное, как просто-напросто часть нашего общества, с кровью выдранная из этого общества и засаженная в лагерь! Это такие же люди, как ты, как твои близкие, родные, друзья, соседи, сослуживцы... Ты легко представляешь на их месте совершенно других людей, которых обошел этот произвол и не постигла эта судьба, но которые точно так же могли быть вырваны из общества и жить той почти невыносимой жизнью, которой живут в повести Иван Шухов и его соседи по бараку, которые, несмотря ни на что, в подавляющем большинстве своем остаются тем, кем они были до лагеря, — настоящими советскими людьми.

Солженицын нигде не делает этого вывода прямо, в упор, потому что это не нужно ему, как художнику. Но, не тыча пальцем, он дает это почувствовать, пережить, познать. И именно с этим чувством, покоренный силой его правды и силой его таланта, закрывал я последнюю страницу повести.

Тема повести связана с такой страшной и кровоточащей раной,

что по-настоящему поднять ее могли лишь крупный художник, органически чуждый соблазну создавать литературу ужасов и сенсаций. Такую тему мог поднять на подлинную высоту лишь художник, безгранично любящий людей своей Советской страны и безгранично верящий в их нравственную силу.

И, я думаю, не лишним будет вспомнить здесь, — если на минуту отвлечься от литературы и обратиться к политике, — что бесстрашно сказать об этом страшном прошлом у нас нашли в себе решимость люди, безгранично любящие свой народ и безгранично верящие в его нравственную силу и красоту, а ожесточенно сопротивлялись этому люди, не любившие своего народа и не верившие в его нравственную силу.

Мне хочется вслед за Твардовским вспомнить слова Н. С. Хрущева на XXII съезде: «Наш долг тщательно и всесторонне разбираться в такого рода делах, связанных со злоупотреблением властью. Пройдет время, мы умрем, все мы смертны, но, пока работаем, мы можем и должны многое выяснить и сказать правду партии и народу... Это надо сделать для того, чтобы подобные явления впредь никогда не повторялись».

Партия назвала писателей своими помощниками. Думается, что

А. Солженицын проявил себя в своей повести как подлинный помощник партии в святом и необходимом деле борьбы с культом личности и его последствиями.

Рано или поздно и история, и литература не оставят в тени ни одной из сторон деятельности Сталина. Они уже начали это делать, и они честно и до конца расскажут и о том, каким в разные времена своей жизни казался нам Сталин, и о том, каким он был на самом деле. Но как бы ни взвешивать в уме разные стороны его государственной деятельности, в нашей душе уже сейчас не осталось места для какого бы то ни было оправдания его злодеяний. Утешительные мысли, которые раньше иные из нас насильственно пытались внедрять в себя, — что Сталин не ведал, что творится, — оказались рухнувшей легендой. И это тяжкое, но трезвое чувство с новой силой вспыхивает в душе, когда читаешь повесть Солженицына, хотя я даже не могу вспомнить сейчас, упоминается ли в ней имя Сталина.

Повесть «Один день Ивана Денисовича» написана уверенной рукой зрелого, своеобразного мастера.

В нашу литературу пришел сильный талант. У меня лично не остается в этом никаких сомнений.

«Известия» г. Москва
17 ноября 1962.